

Памяти Валентины Михайловны Выйе (1917–1997),
жительницы поселка Сиреники,
последнего человека, считавшего
старосиреникский язык родным

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена одному из самых загадочных языков "мало-численных народностей Севера" – так называемому старо-сиренинскому языку (самоназвание *ук'ых'льыстун, iqeghllistun*). Этот язык относится к группе эскимосских языков, однако его положение в этой группе спорно: он существенно отличается как от юпикских, так и от инуитских эскимосских языков и, что самое важное, имеет значительные отличия от своего ближайшего соседа – чаплинского эскимосского языка (*ун'азигми*), причем эти отличия прослеживаются на всех уровнях: лексическом, фонетическом и грамматическом.

Носители старосиренинского языка обитали в прошлом на юго-восточном побережье Чукотки в поселке Сиреники (*Сиг'иньк*) и в нескольких небольших прилегающих поселках к западу от него. В 1895 году говорящих на этом языке было в Сирениках 79 человек, в Имтуке 43 (Гондатти 1897); к 1964 году их осталось около 30 (Меновщиков 1964); в 1990 году мне удалось найти лишь четырех пожилых женщин, говоривших на этом языке (Тан'ан'а, 1900 г.р., Раг'тын'а, 1914 г.р., Кавран'а, ок. 1914 г.р., и мой основной информант Валентина Михайловна Выйе (1917–1997). См. подробно (Кгурнік 1991, особенно с. 12-13 и сноска 9). В настоящее время этот язык практически исчез.

Материалы по старосиренинскому языку собирались несколькими поколениями сотрудников Института лингвистических исследований РАН в Петербурге (он же до 1951 года – Институт языка и мышления, в 1951–1993 годах – ЛО Института языкознания АН СССР) и в 1975–1977 годах сотрудниками московского Института этнографии. Поскольку в настоящее время язык практически прекратил существование, приводимый ниже список имеющихся материалов по этому языку можно, по-видимому, считать закрытым.

Основная задача настоящей книги – представить по возможности полный корпус старосиренинских материалов, которые могли бы служить базой дальнейших исследований по этому языку.

Список известных материалов по старосиренинскому языку

I. Тексты (в порядке уменьшения объема)

1. Тексты, записанные в 1940 году Е.С. Рубцовой. Не публиковались. После смерти Е.С. Рубцовой весь ее личный архив был утрачен, и из сиренинских материалов сохранился лишь один экземпляр машинописи, включавший 47 текстов. Этот экземпляр уцелел случайно и вообще не был вычитан собирателем; практически не вписана диакритика. В 1990 году мне удалось перепроверить эти тексты с В.М. Выйе и перезаписать их на магнитную ленту.
2. Тексты, записанные Н.Б. Вахтиным в 1984 и 1988 годах от В.М. Выйе. 12 текстов; частично опубликованы (Вахтин 1988, 1989). Существуют также в форме магнитофонной записи.
3. Тексты, записанные Г.А. Меновщиковым и опубликованные в его книге (Меновщиков 1964). 17 текстов. Эти тексты были также подвергнуты фронтальной перепроверке и перезаписи на магнитофон с тем же информантом, чтобы свести к минимуму опечатки и неточности.
5. Небольшой текст – телефонный разговор между Выйе и Рагтыной, записанный И.И. Крупником в 1975 году. Существует в письменной и магнитофонной форме.
6. Один небольшой, но важный текст, записанный В.Г. Богоразом в 1901 году и опубликованный (Богораз 1949: текст № 13, с. 178). Существует только в письменной форме.
7. Короткое стихотворение (20 строк), написанное Париной и опубликованное в сборнике чукотской и эскимосской поэзии (Гымнин 1976). Этот текст имеет скорее "сувенирную", чем лингвистическую ценность.

II. Лексические данные

7. Словарь, составленный Г.А. Меновщиковым и опубликованный: Меновщиков 1964. Ок. 2000 слов.
8. Словарная картотека, собранная Н.М. Емельяновой в 1960-х годах, ок. 3000 слов. Примерно две трети этой картотеки были проверены мною в 1990 году с В.М. Выйе; проверка дала возможность исправить многочисленные ошибки и неточности и добавить новые данные.

9. Небольшие списки старосиренинских слов ("двухсотсловный список", список терминов родства), собранные И.И. Крупником в 1977 году.

III. Фонетические данные

10. Все тексты, записанные на магнитную ленту, могут служить материалом для фонетических исследований.
11. Специальные фонетические анкеты (ок. 200 слов), записанные мною от В.М. Выёе в 1984 и 1988 годах.

IV. Грамматические данные

12. Грамматическая информация из книги (Меновщиков 1964).
13. Грамматические записи из моих полевых материалов 1984, 1988 и 1990 годах.

* * *

В состав части I настоящей книги входят выверенные заново тексты, записанные Е.С. Рубцовой; выверенные заново тексты, записанные Г.А. Меновщиковым; тексты, записанные Н.Б. Вахтиным; текст В.Г. Богораза (текст 13 из публикации 1949 года) и текст телефонного разговора, записанный И.И. Крупником.

В состав части II входят некоторые грамматические материалы, собранные Н.Б. Вахтиным.

В приложениях публикуется

- выверенная заново часть словарных материалов Н.М. Емельяновой
- словарные материалы И.И. Крупника и И.И. Пейроса
- биографические сведения о рассказчиках (подготовлены И.И. Крупником).

* * *

Работа над этой книгой длилась много лет, и на протяжении этих лет многие люди оказывали мне помощь и поддержку. Мне хотелось бы вспомнить здесь прежде всего Г.А. Меновщикова и Н.М. Емельянову, моих старших коллег, ныне, увы, покойных, чьи материалы вошли в данную книгу. Постоянную моральную поддержку я чувствовал со стороны профессора Майкла Краусса, директора Центра по изучению языков аборигенов Аляски при университете города Фербенкса. Я благодарен сотрудникам Института эскимологии Копенгагенского университета, и прежде всего доктору Майклу Фортескью, с которым мне довелось

проработать бок о бок четыре месяца и у которого я многому научился. Слова особо теплой признательности – моему давнему другу И.И. Крупнику, чьи умные и точные советы очень помогали мне в ходе работы над книгой. Большую техническую помощь в подготовке рукописи оказали сотрудники ИЛИ РАН С.Ю. Еременко и А.В. Трофимова.

И наконец, главное. Вся эта работа – сбор лексического и грамматического материала, перепроверка старых и запись новых текстов – не могла бы осуществиться без неоценимой помощи Валентины Михайловны Выйе, последнего активного носителя старосириеникского языка.

Выйе родилась в поселке Итмук в 1917 году. Ее отец Нумылин был одним из основных помощников и информантов Г.А. Меновщикова (Меновщиков 1964: 10); ее брат Сергей Гухугье был учителем, участвовал в создании школьных учебников и пособий по эскимосскому языку. Девочкой Выйе одной из первых среди сириеникских детей освоила русский язык и в школьные годы была постоянной помощницей русских учителей на уроках. Незаурядные языковые способности Выйе (она свободно говорила по-чаплински, по-старосириеникски, по-чукотски и по-русски), ее удивительная доброжелательность и ответственность, готовность, несмотря на преклонный возраст и далеко не крепкое здоровье, работать со мной ежедневно по многу часов¹ сделали возможной эту книгу.

Интересно, что в 1970-е годы Выйе не воспринимала себя как носителя и знатока старосириеникского языка (Крупник, устное сообщение), стеснялась говорить на нем, отмахивалась от попыток вовлечь ее в лингвистическую работу. Однако в 1980-е годы, когда не осталось в живых признанных экспертов старшего поколения (таких, как ее собственный отец или А.И. Ратхугье, с которым работала Н.М. Емельянова), Выйе осознала, что теперь она – лучший знаток этого языка (ее односельчане подтверждали это мнение), и работала очень охотно, прекрасно отдавая себе отчет в том, как важно записать и сохранить как можно больше. (Это хорошо согласуется с высказанной мною гипотезой о регрессивном восстановлении языка в поколении, которое переходит из ранга среднего в ранг старшего (см. Вахтин 1992: 56 и след.; Вахтин 1998).

Мою благодарность Выйе, мое восхищение ее талантом и мужеством, мое уважение к этой незаурядной женщине трудно передать. Я никогда

¹ За исключением молодой американской исследовательницы Darlene Ott, я, видимо, был последним, кому довелось с ней работать.

не забуду долгие часы, проведенные с нею в ее маленьком домике, на крохотной кухне, или в больнице в поселке Провидения, где она лежала несколько месяцев и куда я регулярно приходил летом 1990 года. Во время этих встреч мы и работали, и много говорили, причем не только о старосиренинском языке. Выйе рассказывала мне о своей жизни, и эти рассказы очень многое дали мне для понимания того, через какую непростую эпоху пришлось пройти этому маленькому народу на протяжении одной человеческой жизни.

Весть о ее смерти в январе 1997 года дошла до меня лишь несколько месяцев спустя. Сегодня я рад, что сумел в конце концов после двенадцати лет работы, закончить эту книгу, автором которой Выйе является ничуть не в меньшей степени, чем я.

Май 1998, Петербург

* * *

Выйе рассказала мне, что как-то написала подробные воспоминания о своей жизни в двух толстых тетрадах, но потом сожгла свою рукопись. Позднее она подумывала о том, чтобы восстановить воспоминания, но утверждала, что так и не собралась. Возможно, это не более чем красивая легенда (сюжет "сожженной рукописи" широко распространен – а Выйе была человеком начитанным). Однако в архиве Провиденского краеведческого музея сохранились несколько рукописных страниц, озаглавленных "Рассказ Выйе"; возможно, это попытка восстановить утраченные воспоминания, однако более вероятно, что это и есть их подлинный и полный текст.

Мне кажется уместным опубликовать здесь эти короткие записки. Жизнь Выйе, родившейся в обычной эскимосской семье, отличавшейся от других лишь бедностью, резко изменилась с появлением школы и пошла необычным для человека ее поколения путем. Ребенком она фактически стала профессиональным переводчиком, помощником вначале учителей, затем ученых-лингвистов, собиравших фольклор и языковые данные. В этой работе в полной мере проявился и развился недюжинный природный талант Выйе – талант филолога, тонко и точно чувствующего слово.

Текст публикуется без каких-либо сокращений, исправлений или редактуры, с небольшими пояснительными вставками в квадратных скобках².

² Оригинал хранится в Провиденском краеведческом музее (№ 482, СО-PI), машинописная копия, с которой текст публикуется здесь, сделана в декабре 1987 года М.А. Членовым.

Валентина Михайловна Выйе, апрель 1991 года, Сиреники
(фото Б.П.Шимло)

Рассказ Выйе

«Хочу писать, вспомнила о прошлом, и не знаю как начать. Сначала напишу о том, как я была маленькая. Конечно, я не помню, даже не знала, в каком году это было. Я была маленькая, мы жили в поселке Сиреники, там жили эскимосы сирениковские [местное говорное произношение – сиреник^бвский, с ударением на б. – Н.В.], они имели свой язык, и Имтукские тоже по-другому разговаривали. У нас было два разных языка – чаплинский [уназикский. – Н.В.] и сирениковский. Мы, которые живем там, мало знали чаплинский язык, даже другие старики и старухи плохо разговаривали по-чаплински. Но мой отец Нумьлин тоже почти по-своему... [разговаривал почти только по-старосирениковски. – Н.В.]

И так мы разговаривали по-сирениковски и по-имтукски, потому что у нас отец был сирениковский, а мать имтукская. Тогда мы жили в Сирениках и жители занимались только охотой. Они охотились так, у кого в семье больше мальчиков, у того хватает на бригаду людей или же родственников-мужчин. А у моего отца никого не было, поэтому он кого только ни просил, чтобы у него хоть второй мужчина был, а то он на охоту брал свою мать, старуху – Уигунак звали, и дочь старшую.

У нас раньше у кого девочки рождались, тем не радовались, говорили, что она вырастет и уйдет, то есть замуж выйдет к кому-нибудь, а мальчиков они любили и ждали, когда они вырастут. И вот мы трое росли у Нумьлина девочки. И он решил на некоторое время уехать с семьей в поселок Аччен, хотя там никого не было, но кочующие чукчи там у озера почти всегда бывали. Нумьлин думал, что там рыба и можно охотиться на морзверя и пушнину и иметь хорошую упряжку собак. Но вот он у кого-то взял маленькую собачку-самку и она опценилась 12 маленьких собачек. И вот у него целая упряжка, он их учил, учил, и научил. Такие хорошие собаки были 10 самцов и двое самок. Собаки выросли, они такие крупные, хорошие стали. Но вот отец стал на них и лед возить для воды зимой и мясо с берега тоже таскал на собаках, хотя смеялись над ними, что он даже в поселке на собаках ездит. Потом его мать, наша бабушка Уигунак умерла. Он стал собираться в Аччен. Однажды весной, когда льды стали плавать, мы собрались и уехали, нас было трое девочек и еще в Сирениках он взял одного старика и старуху жену его и сына Нутаугье, маленький он был, он рос вместе с нами. Стал он как брат старший, но был очень обидчивый, чуть чего скажут, уже обижается. Отец охотился вместе с ним и с нашей старшей сестрой. А потом приехала к нам еще одна семья [по имени] Атита, жена его была племянницей нашей бабушки, жены дяди Нумьлина. У них тоже одни девочки четверо. Но вот стали охотиться: у Атиты старшая дочь с отцом, Нумьлин с дочерью и Уантугыргын с сыном Нутаугье. Они на море уходили на вельботе, моржей убивали и нерп, летом рыбачили и на уток охотились, много кайры убивали около скал. Каждую осень мы ездили к кочующим чукчам на конец озера Аччен и туда ездил-

ли с Эмелена, Нунлиграна, Сиреники, Чаплина и с Кивака. Там чукчи забивали оленей далеко в тундре, а наши мужчины таскали к ним мясо, жир, шкуры моржовые, лахтачи и ремни. И нашим приходилось много таскать тушек оленей так далеко. Тогда Нумылину и Атите очень трудно бывало, они по несколько дней таскали своих, которые им забивали по 15-20 тушек.

А потом у нас родился братишка, один мальчик, так все обрадовались. Он был еще маленький, мы его на нарте катали. Это был Гухугье Сергей Михайлович, так его называли в школе [Гухугье – собственное, эскимосское имя, Сергеем Михайловичем называли при записи в школу. – Н.В.]. Он немного подросток, 2 года ему, а отец его на байдарке стал катать, рыбу ловить учили, крючками ловили летом и сетями [в 2 года учить охоте рано даже по эскимосским понятиям – Н.В.]. А потом обратно в Сиреники стали собираться. А семья Атиты в Эмелен, старшую дочь выдали замуж за эмеленского и сами туда поехали. А мы одни на вельботе поехали, там жил старший брат нашей матери, туда поехали. Приехали, лето там жили, и зимой наша старшая сестра умерла. И так мы жили там охотился отец, рыбачил.

А потом с Чаплино стали приезжать, к нам, что-то говорить стали насчет кооператива и артели. В 1929 году приехала учительница Рубцова Екатерина Семеновна. Мы ее так боялись, даже близко не подходили. Насчет школы стали говорить, для школы дали домик американский у Нумтагина, поставили железную печку, и там мы учились. Отец меня привел в школу, и стала ходить каждый день. В поселке часов не было, мы не знали, что время дня тоже считать можно. Каждое утро у школы поднимали красный флаг, и мы ходили в школу. Если рано встаем, следим за флагом, если поднимают – идем в школу. У нас в классе ничего не было кроме доски. Мы сидели на полу или лежа писали буквы, изучали цифры. Когда первый раз учительница с нами говорила мы совсем не понимали. У нас был один самоучка, который по-русски немного понимал, его звали Аляляун, он на уроках нам переводил, что говорила учительница, а он нам по-эскимосски переводил. Так трудно было учительнице Рубцовой в первые дни нашей учебы, а потом, когда мы выучили буквы и стали читать по слогам, Аляляун помог нам составить словари. Мы стали собирать слова по-эскимосски, а потом по-русски. Мы так стали понимать русские слова. Она, то есть учительница Рубцова, жила в яранге у Аляляуна, ей сделали полог из оленьих шкур и жирники, она готовила себе пищу на жирниках. Тогда мы не знали хлеб, потому что покупали только муку и лепешки жарили на моржовом и нерпичьем жиру. У нас была американская ножная машина швейная, отец дал Рубцовой эту машину и заказал, чтобы она мне сшила платье, и она сшила только с белого материала. Отец так хотел, чтобы я по-русски научилась говорить, и я к учительнице стала ходить и попробовать разговаривать по-русски, и она меня так быстро научила говорить по-русски, в школе мы были отличниками с Ататой Михайлом. Потом на каждом собрании стали переводчиками.

Потом в 1930 году школу перевели в Сиреники [из поселка Имтук. – *Н.В.*] из-за воды питьевой, потому что осенью, когда начинала замерзать вся вода засыхала и далеко становилось за водой ходить. Но потом организовали колхоз, с Чаплина приезжали Матлю, Ухсима на нартах [советские активисты. – *Н.В.*]. Первыми вступили в колхоз Нутаугье, Нумьлен, Ктугье, Савая, Анкалин, одна бригада была колхозников, привезли вельбот с мотором, а потом все вступили в колхоз. Когда стали организовывать колхоз, Аляляун, Нутаугье всегда на собраниях агитировали, агитировали всех, беседовали со всеми и Нумьлин включился, с ними беседовать стал, аж не стали слушать его, стали говорить, что он слишком много болтает о колхозах, кооперативах, ненавидели его, но он не переставал, всегда со всеми беседовал, даже с женщинами и с молодыми. Когда школу перевели в Сиреники, для школы дали домик Тагругье, и Рубцова у них стала жить, кровать в пологе поставила и там стала жить и работала. А мы переехали в Кынлыгак и там с нами еще другие переселились – Нанана, Нумтагнын, Нпаугье и другие. А потом в 1933 году Рубцова уехала. Приехал Меновщиков Г.А. и мы у него учились в четвертом классе, а потом в 1934 году на 5-ый класс другие ученики поехали в Лаврентия, а нас с Атайой оставили, нужны были переводчики на уроках для новых учеников. В Сирениках остался Атата, меня отправили в Урелики, там была учительница Сергеева Е.С., я помогала ей, там были два круглых домика, в одной учились, а в другой она жила, а меня она поселила в яранге у родителей Анагикак, сестра его Мария Мьльгинаун работала уборщицей в школе, я у них жила, это было в 1934 году. Приехал туда, т.е. в Урелики Семупкин, не знаю как звать [Тихон Захарович Семупкин (1900–1970) – учитель чукотского языка, писатель. – *Н.В.*]. Он хотел, чтобы я жила тоже в школе, у Сергеевой были две комнаты, в одной она жила, а в другой она поместила собаку, ее звали Жальма. И потом она ее к себе взяла, а меня туда в комнату поместила. И так мы с ней работали, переводчиком я у нее была. Мы и днем работали с учениками, а вечерами ликбез вели. Тогда отец жил еще, работал, охотился, у него был второй сын Анатолий, у него семья была в Анадыре, он работал учителем и старший Сергей тоже учителем работал. Я тоже приехала домой. Иногда мы собирались вместе, вся семья и начинаем рассказывать, как раньше жили, и отец тоже начинает рассказывать, как раньше охотился, какие рассказы он слышал от стариков. Потом мальчишки начинают рассказывать, что они видели в Москве, в Ленинграде про кино, как они на самолетах летали, а он про древних начнет и смеются.

В. Выйе

ВВЕДЕНИЕ

Изучение старосиренинского языка

Начало изучения эскимосских языков Чукотского полуострова было положено в 90-х годах XIX века губернатором Анадырского округа Н.Л. Гондатти. Не только способный администратор, но и неутомимый исследователь, до вступления в 1894 году в должность губернатора ученый секретарь Императорского Общества антропологии, этнографии и естествознания при Московском университете, Николай Львович Гондатти много ездил по округу, собирал этнографические и языковые данные, единолично задумал и осуществил первую перепись жителей Анадырского округа. Ему же принадлежит первое описание обнаруженного им старосиренинского языка – "вутээнского наречия", как он его называл. Вот что писал Н.Л. Гондатти в конце прошлого века: "...вторую народность [первая – "уныынцы", то есть уназикцы или чаплинцы. – *Н.В.*] составляют жители поселка Вутээн, с 14 юртами, имеющими 34 лица мужского полу и 45 женского. Они говорят своим наречием, только отчасти сходным с уныынским, но, все-таки, настолько отличным от него, что жители, например, Уныына не понимают вутээнцев и говорят, обыкновенно, с последними на чукотском языке, весьма здесь распространенном" (Гондатти 1898: 30-31).

Свои материалы по языкам инородцев Анадырского округа Н.Л. Гондатти переслал в Петербург известному ученому-филологу академику В.Ф. Миллеру. Эти материалы (Гондатти 1897) включали записи речи или образцы слов жителей трех основных поселков: Вутээн (совр. Сиреники), Уныын (совр. Уназик, или Чаплино) и Нуукан (совр. Наукан). В результате тщательного анализа звукового строя азиатских наречий и сопоставления их с американскими В.Ф. Миллер выделил три эскимосских наречия, в том числе старосиренинский язык (в его терминологии – "вутээнское" наречие). Выводы Миллера поражают точностью: сто лет изучения языков азиатских эскимосов, принесшие множество новых сведений об их строе, лишь уточнили и углубили, но, по сути дела, не смогли отменить ни одного из положений Миллера. В частности, Миллер писал, что "говоры Вутээн, Уныын и Нуукан настолько различаются друг от друга в фонетическом, морфологическом и лексическом отношении, что могут быть названы наречиями... Из этих наречий Уныынское и Нууканское более близки между собой, чем каждое из них с наречием Вутээнским" (Миллер 1897: 158-159).

Вслед за Миллером и Гондатти следующий, кто коснулся в своей работе старосиренинского языка, был В.Г. Богораз. Работа Богораза в эскимосских поселках в 1901 году имела огромное значение: им впервые были записаны и опубликованы связные фольклорные тексты на трех эскимосских языках, в том числе и на старосиренинском, с подстрочником на чукотском языке и русским переводом (Богораз 1909: 178-190; Богораз 1949).

В 1927–1934 годах исследования эскимосских языков вел А.С. Форштейн, который, по-видимому, собрал какие-то словарные материалы по старосиренинскому языку. Его письмо Францу Боасу дает некоторые основания для таких выводов³. Однако в мае 1937 года А.С.Форштейн был арестован, и судьба его материалов мне не известна (см. Krauss 1985: 176).

В 1940–1960-е годы значительную работу по изучению и описанию юпикских языков Чукотки вели Е.С. Рубцова и Г.А. Меновщиков. Перу последнего принадлежит одна предварительная статья (Меновщиков 1962), а также единственное монографическое описание сиренинского языка (Меновщиков 1964).

Наконец, в 1970–1980-е годы работу по сбору материалов по данному языку продолжили Н.М. Емельянова (к сожалению, не успевшая ни закончить эту работу, ни опубликовать свои данные), Н.Б. Вахтин (см. предварительные публикации: Вахтин 1988, 1989; Vakhtin 1991), а также научная группа Института этнографии РАН (И.И. Крупник, И.И. Пейрос, М.А. Членов). В 1977 году И.И. Крупник записал на пленку список из двухсот старосиренинских слов, подготовленный И.И. Пейросом; тогда же были сделаны записи телефонных разговоров между Выйе и Рагтыной и собраны старосиренинские термины родства. Параллельно в 1975 и 1977 годах И.И.Крупником были собраны материалы по этнической истории старосиренинцев: генеалогии, интервью об истории племени сиренинцев, их миграциях, переезде из Имтука, полные списки жителей Сиреников с указанием, кто и когда говорил (и кто и когда перестал говорить) по-старосиренински. Эти материалы частично легли в основу статьи (Krupnik 1991), частично, с согласия автора, публикуются в данной книге.

³ Письмо от 30 июня 1936 года, оригинал хранится в Филадельфии, в архиве American Philosophical Society, опубликовано Krupnik 1998.

На базе этих немногочисленных публикаций предпринимались попытки анализа фонетики и просодики старосиренинского языка (Krauss 1985; Rasmussen 1994, 1996); материал старосиренинского языка учитывался также при реконструкции фонетики праязыка азиатских эскимосов (Мудрак 1986) – попытке, на мой взгляд, малоуспешной (см. более продвинутую реконструкцию с использованием старосиренинского материала: Fortescue a.o. 1994).

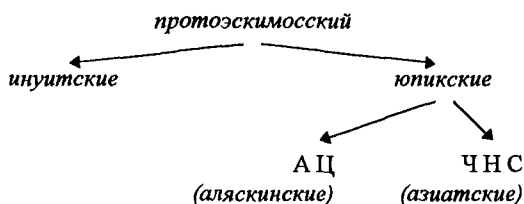
Таким образом, насколько мне известно, список современных научных публикаций, специально посвященных старосиренинскому языку, ограничивается девятью названиями: Меновщиков 1962, 1964; Krauss 1985; Вахтин 1988, 1989; Krupnik 1991; Vakhtin 1991; Rasmussen 1994, 1996.

Язык, о котором здесь идет речь, назван в данной книге *старосиренинским*, в отличие от *сиренинского* – языка современного поселка Сиреники, жители которого говорят на имтукском говоре чаплинского языка.

Место старосиренинского языка в эскимосской семье

Эскимосская ветвь эскимосско-алеутской семьи языков обычно рассматривается как включающая две группы: инуитскую и юпикскую (Меновщиков 1980, Woodbury 1984). До сравнительно недавнего времени старосиренинский язык причисляли к юпикской ветви – как в силу его географического положения, так и из-за того, что в нем имеется большое число корней, совпадающих с корнями чаплинского языка.

Структура эскимосской ветви изображалась следующим образом ⁴:

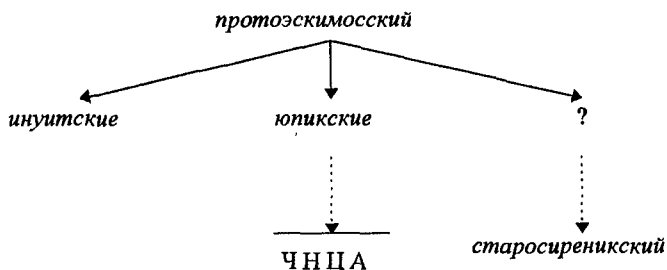
⁴ Эта схема несет на себе следы *политического* разделения эскимосских языков на "американские" и "советские"; в реальности отношения между чаплинским, науканским и старосиренинским, с одной стороны, и центрально-аляскинским и аллотиком – с другой, не дихотомическое, а более сложное. Так, науканский, видимо, не менее близок к центрально-аляскинскому, чем к чаплинскому (см. Krauss 1985; Woodbury 1984; Fortescue a.o. 1994).

Обозначения:

А – аляпик; Ц – центрально-альяскинский юпик;
Ч – чаплинский; Н – науканский; С – старосиреникский

Однако в середине 1980-х годов Майкл Краусс (в памятной записке, распространенной среди сотрудников Центра по изучению языков аборигенов Аляски, а также среди ученых, работающих в области эскимосских языков в разных странах) выдвинул гипотезу о том, что старосиреникский язык образует третью группу в составе эскимосских языков, наравне с инуитскими и юпикскими. (Справедливости ради следует отметить, что те же идеи высказывал на двадцать лет раньше Г.А. Меновщиков, однако его высказывание носило характер скорее догадки, чем гипотезы – см. Меновщиков 1964: 24).

"Генеалогическое древо" эскимосской ветви эскимосско-алеутской семьи выглядит в этом случае следующим образом:

Эта гипотеза, чем дальше, тем больше получает подтверждение; выпущенный коллективом авторов в 1994 году большой сравнительный эскимосский словарь содержит большой материал по старосиреникскому языку, и его авторы в предисловии говорят об особом положении старосиреникского языка уже достаточно уверенно:

[старосиреникский язык] "имеет уникальные черты, как архаические, так и инновационные, и подвергся значительному влиянию со стороны соседнего чукотского языка. <...> Старосиреникский явно имеет обширные заимствования из соседнего с ним (и доминирующего) чаплинского языка... Сегодня старосиреникский ближе к юпикским, чем к инуитским языкам. Однако старосиреникский может оказаться третьей ветвью, наравне с юпикскими и инуитскими языками" (Fortescue a.o. 1994: x).